

²⁰ См.: *Smith Fussner F.* The Historical Revolution: English Historical Writing and Thought? 1580—1640. N. Y., 1962. См. рецензию на эту работу: Stearns R. P. // *The Journal of Modern History.* 1964. Vol. 36, nr. 1. P. 54—55. См. также: *Kelly D.* The Foundations of Modern Historical Scholarship. N. Y., 1970.

²¹ См.: *Preston H. J.* Was There an Historical Revolution? // *Journal of the History of Ideas.* 1977. Vol. 38, nr. 2. P. 353—364.

²² См.: *Зверева В. В.* Представление прошлого в трудах антикваров XVII в. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* М., 2003.

²³ См.: *Комлева Ю. Е.* Отец немецкого государственного права И. Я. Мозер // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 3.* Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург, 2004. С. 168—180; *Конституционные акты Германии Нового времени (конец XVIII — начало XX в.): Сборник документов.* Екатеринбург, 2006.

²⁴ См.: *Encyclopedia of Historians and Historical Writing / Ed. K. Boyd.* Chicago, 1999; *Global Encyclopedia of Historical Writing / Ed. D. R. Woolf.* N. Y., 1998.

²⁵ См.: *Historians of China and Japan / Ed. W. G. Beasley and E. Pulleyblank.* L., 1961; *Southeast Asian History and Historiography: Essays presented to D. G. Hall / Ed. by C. Cowan and O. Wolters.* Ithaca, 1976; *Perceptions of the Past in Southeast Asia / Ed. by A. Reid and D. Marr.* Singapore, 1979.

²⁶ См.: *Across Cultural Borders: Historiography in Global Perspective / Ed. E. Fuchs, B. Stuchtey.* Lanham, 2002; *Turning Points in Historiography: A Cross-Cultural Perspective / Ed. G. Iggers, Q. E. Wang.* N. Y., 2002; *Western Historical Thinking: An Intercultural Debate / Ed. J. Rъsen.* N. Y., 2002; *Historical Truth, Historical Criticism and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective / Ed. H. Schmidt-Glintzer, A. Mittag, J. Rъsen.* Leiden, 2005.

²⁷ Интервью с Хейденом Уайтом... С. 345.

Ю. Е. Комлева

Движение за реформу высшего образования в Англии во второй половине XVII — начале XVIII в.

Около трех веков университеты были центрами европейского знания, но именно те стороны, на которых было основано их значение и авторитет в средневековом обществе — корпоративный строй и замкнутость — лишали их возможности быстро приспо-

собраться к духу Нового времени. Со второй половины XV в. университеты не только перестали объединять вокруг себя мыслителей, но во многих случаях создавали им препятствия, вступая в союз с реакционными силами. Гуманисты подвергли старый университетский строй и его науку беспощаднейшей критике. Новая наука начала постепенно вытеснять схоластическую, особенно под влиянием гуманистически настроенных правителей европейских государств. Не находя простора в тесном, полном рутины университете, научное движение новой Европы вызвало образование ученых ассоциаций, которым и принадлежит главная роль в истории новой науки. Правительства шли навстречу этим стремлениям, результатом чего стало возникновение знаменитых академий Франции, Германии и Англии¹. Возрождение университетов началось с XVIII в., однако, почва для него была подготовлена реформаторской мыслью и отдельными попытками провести реформы в жизнь во второй половине XVII в.

Историю движения за реформу английского образования со времен Реставрации до конца правления Георга II можно проследить по двум основным линиям. Одна из них представляет серию сочинений, принадлежащих выдающимся мыслителям той эпохи, излагавших новаторские идеи в сфере образования; вторая — это предпринимавшиеся, правда только отчасти успешно, попытки скорректировать традиционные институты или создать новые.

Теоретиков и практиков в равной степени стимулировала очевидная неспособность школ и университетов соответствовать новым условиям, возникшим в XVII в. Проекты реформ принимали различные формы. Большинство из них предполагали изменения в учебном плане, которые привели бы к признанию современной культуры и требований эпохи путем введения «новых» учебных дисциплин. Некоторые философы, вдохновленные Фрэнсисом Бэконом и Яном Амосом Коменским, подошли к проблеме метода, решение которой они видели в более полном и точном познании умственного процесса, другие заявляли, что интерес и долг государства заключается в том, чтобы дать надлежащее образование всем своим подданным². История образования в Англии во второй половине XVII в. ярко демонстрирует зависимость образова-

тельной системы от национального развития и тот вред, который наносится государству, когда система образования развивается в атмосфере приверженности одной, давно сложившейся традиции.

Принятые в XVII в. общеобразовательные учебные планы школ и университетов в отличие от профессионального изучения богословия, права и медицины представляли собой по существу семь средневековых свободных искусств, однако изменилось соотношение дисциплин. Дисциплины квадривиума (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) преподавались в университете, преподавание дисциплин тривиума (грамматика, логика, риторика) в свободном порядке распределялось между школьниками и первокурсниками университетов, причем последних по современным меркам невозможно было отличить от первых. Например, Энтони Вуд поступил в Мертон-колледж в возрасте пятнадцати лет, Эдуард Гиббон был принят в Модлин-колледж, когда ему еще не исполнилось пятнадцати, Ричард Бентли стал студентом Сент-Джонз-колледжа в Кембридже в возрасте четырнадцати лет³.

Правдива или нет история о том, что Джона Мильтона его тьютор в Кембридже сек розгами, но следующий отрывок из воспоминаний Энтони Вуда доказывает, что даже в 1668 г. студенты Оксфорда все еще подвергались такому наказанию. Э. Вуд пишет, что когда четыре ученика из колледжа Крайст-Черч разбили несколько окон, вице-канцлер «заставил их заделать отверстия, выслал на некоторое время за город, но не исключил их и не приказал выпороть»⁴. Десять лет спустя вице-канцлер Кембриджа постановил, что ни один студент не может продать или купить «без одобрения своего тьютора» какую-либо вещь, чья стоимость превышает пять шиллингов⁵. Кембриджский студент XVII в. был «не мужчиной, но мальчиком», причем воспринимали его так не только старшие, но и сверстники, и он сам⁶. Не следует упускать этого из виду при рассмотрении причин возникновения движения за реформу университетского образования в ту эпоху.

Круг официальных предметов и экзаменов, необходимых для получения степени, сохранялся со времен позднего Средневековья и в Оксфорде, и в Кембридже, что отражалось на учебных программах школ, задачей которых считалась, в основном, подго-

товка к поступлению в университет. Средневековое понятие степени заключалось в лицензии на преподавание. Испытания для ее получения представляли собой, по существу, показательные уроки-диспуты или декламации, представляемые кандидатами перед своими товарищами и лицензированными преподавателями. Темы таких уроков брали из аристотелевской метафизики и натурфилософии, школьного богословия, либо же это были избитые литературные темы, которые можно было риторически обработать. Принятые в 1636 г. в Оксфорде Лодианские статуты ввели стандарт этих испытаний, по образцу которых они проводились до конца периода Республики. В отношении этого Энтони Вуд замечает: «Тогда у нас были очень хорошие экзамены по всем предметам, преподававшимся в школах, философские диспуты во время Великого поста, часто на греческом языке, проводились также и групповые диспуты, когда команда из одного колледжа выступала против команды из другого, что всегда заканчивалось дракой»⁷. Но в эпоху Реставрации эти средневековые испытания явно устарели, и, хотя они оставались частью уставов обоих университетов и в XVIII в., их рассматривали как неизбежную пустую формальность и нередко высмеивали.

В XVII в. и долгое время спустя ни школы, ни руководство университетов, в отличие от преподавателей отдельных колледжей, не стремились к развитию науки, хотя преподаватели и студенты университетов могли бы сыграть в этом немаловажную роль. Но серьезных попыток ввести в университетах преподавание естественных наук, современных языков, истории или географии как самостоятельных дисциплин не предпринималось. В школах отвергали математику, преподавая лишь арифметику в чисто практических целях.

Тем временем, общество и государство ставили перед высшими учебными заведениями новые задачи, главной из которых являлась подготовка к государственной службе, общественной и профессиональной деятельности. Реформа образования волновала многих людей из самых разных кругов английского общества. Проблема образования затрагивалась даже в ходе большинства богословских споров того времени. На Савойской конференции 1661 г. обе дис-

кутирующие стороны, казалось, получали большое удовольствие от словесной перепалки, о чем свидетельствует «Наследие Бакстера», целые страницы которого заполнены аргументами и контрдоводами, выраженными в форме силлогизмов⁸.

Оппозицию университетам составляли не только те, кто считал их приютом устаревших знаний. На протяжении XVII в. Оксфорд и Кембридж были тесно связаны с национальной историей, что часто было невыгодно для их материального положения и иногда приводило к ослаблению их образовательных функций. Оба университета выступили в оппозиции парламентскому правительству, которое вынесло им обвинение в нелояльности. В годы Республики стремление заменить университеты какими-либо другими учебными заведениями стало очевидным и отразилось как в трудах крупных мыслителей (Д. Мильтон, Д. Гаррингтон, Т. Гоббс), так и в многочисленных сочинениях весьма посредственных «писак», таких, как Джон Уэбстер⁹.

Небольшой по объему трактат Д. Мильтона «Об образовании» (1644) представляет интерес в наши дни, главным образом, ввиду содержащейся в нем критики школ и университетов того времени и предложений автора о реформе образования. Главный недостаток учебных программ Д. Мильтон видит в превалировании абстрактных, формальных предметов и пренебрежении конкретным знанием о людях и вещах, без чего формы остаются пустыми. Он предлагает ввести в учебный курс как можно больше содержательного материала, связанного с природными объектами и процессами, а также и те языки, без которых, по его мнению, англичане едва ли могут проникнуть в королевство науки и искусства. Ему, увлеченному верой во всемогущество метода, которая отличала в те дни большинство писавших о реформах образования, задача обучения мальчиков в возрасте от двенадцати до двадцати одного года полному циклу наук на шести иностранных языках, из которых единственным современным был итальянский, вовсе не казалась непреодолимой. Неудовлетворенность Д. Мильтона современными ему учебными заведениями совершенно очевидна. Он также ожидал, что будут должным образом оценены и поняты новая философия и методы, с помощью которых следует преподавать

новые науки. Однако его трактат «Об образовании» не оказал какого-либо прямого воздействия на учебную практику.

В сочинении Д. Мильтона есть нечто большее, чем простое порицание устаревшей системы: он высказывает свое горячее негодование университетами. Д. Милтон предлагает учредить в каждом городе Британского королевства академию, которая совмещала бы в себе и школу, и университет и проводила цельный курс «с начального образования до получения магистерской степени»¹⁰. Другими единственно допустимыми образовательными учреждениями были бы послеуниверситетские профессиональные колледжи права и медицины (такая уступка дается Д. Мильтоном, возможно, из уважения к лондонским юридическим корпорациям и Лондонскому колледжу врачей)¹¹.

Подобное желание закрыть университеты обнаруживается и в анонимном сочинении, написанном на латыни, «Новая Солима» (1648)¹². Автор этой работы имеет четкое представление о том, что требуется для проведения серьезных реформ в области образования. Он планирует создание национальной образовательной системы, включающей инспектируемые государством школы для преподавания религии, этики, чтения, письма, арифметики, геометрии, военной подготовки и т. п. Программа стипендий позволит способным мальчикам из бедных семей получить гуманитарное и религиозное образование в академиях и даже продолжить его — в отдельных случаях будет предоставлена возможность три года профессионально изучать богословие, право, медицину или государственное управление¹³.

Автор знаменитой утопии «Республика Океания» (1656) Джеймс Гаррингтон (1611—1677) свое недоверие к университетам обосновывает их преимущественно клерикальным характером управления. Сам Д. Гаррингтон был решительно настроен не допустить вмешательства церкви в политическую жизнь. В его утопической политике важным моментом в образовании для всех граждан является военная служба. Размышления Д. Гаррингтона в отношении обучения носят чисто формальный характер, за исключением административной стороны. В Океании была обязательная система образования для детей в возрасте от девяти до пятнадца-

ти лет, бесплатная для бедных. Школы находились под надзором государства, управление ими и учебные курсы были повсеместно унифицированы. Университеты являлись, по сути, духовными семинариями и хранителями национальной религии, однако, им категорически запрещалось принимать какое-либо участие в общественных делах, от которых также были отстранены люди, занимающиеся профессиональной деятельностью¹⁴.

В «Левиафане» Томаса Гоббса также содержится несколько характерных рассуждений об университетах, которые он затем развил в пользовавшемся большой популярностью трактате «Бегемот» (1668). Автор утверждает, что университеты способствуют политическим и богословским спекуляциям и, таким образом, становятся рассадниками гражданских беспорядков и мятежей:

Пусть он (король. — Ю. К.) имеет достаточно денег для того, чтобы собрать армию, подавить любое восстание и отнять у своих врагов всякую надежду на успех, чтобы они не осмеливались мешать ему реформировать университеты... Центр восстания, как показывает данный мятеж (Гражданские войны 1642—1648 гг. — Ю. К.) и как вы читали об остальных, — это университеты, которые, тем не менее, следует не уничтожать, а привести в порядок, т. е. чтобы политики, которых там учат, были (как и подобает истинным политикам) способны учить людей обязанности повиновения всем законам, которые будут введены властью короля, до тех пор пока они не будут отменены той же властью... Я отчаиваюсь ожидать сколько-нибудь длительного мира у нас, пока университеты не направят свои старания на его установление, т. е. на преподавание абсолютного повиновения королевским законам и правительственным эдиктам, скрепленным Большой печатью Англии¹⁵.

Оппозиционные университетам настроения достигли накала к 1653 г., когда фанатично настроенные члены Бербонского парламента выдвинули на обсуждение вопрос об «уместности запрета университетов и всех образовательных школ как ненужных», предвосхитив тем самым закрытие университетов во Франции в 1793 г.¹⁶ Естественно, парламентское большинство отказалось принять подобное решение, но вслед за этим последовала оживленная памфлетная война. Самыми крупными противниками уни-

верситетов были известны своими радикальными позициями член парламента Уильям Делл, глава Гонвилл-энд-Киз-колледжа в Кембридже, и армейский капеллан Джон Уэбстер, автор «Исследования академий».

Уильям Делл открыто нападал на академическое образование и отстаивал необходимость крупных институциональных изменений. У. Делл предлагал ввести светскую децентрализованную университетскую систему, местные школы в деревнях и грамматические школы в крупных поселениях. При этом он решительно выступал против сохраняющейся в университетах аристотелевской традиции и изучения всех древних классиков. По его мнению, обучение должно иметь более практический характер, а подготовка будущих священников должна быть расширена в географическом и социальном плане и меньше зависеть от традиционных академических дисциплин¹⁷.

В 1653 г. была опубликована работа Джона Уэбстера (1610—1682) под названием «Исследование академий», в которой автор, изучив традиции и методы научного и схоластического обучения, приходит к выводу, что господствующий в современной ему системе консерватизм «не дает знанию пролить свет на жизнь и ее тайны»¹⁸. Д. Уэбстер также предлагает ряд мер по преобразованию школ и усовершенствованию наук.

Против его предложений немедленно выступили оксфордский профессор астрономии Сет Уорд (1617—1689) и епископ Честерский Джон Уилкинс (1614—1672) в совместном памфлете «Иск академий»¹⁹. По замечанию С. Уорда, представление Д. Уэбстера о реформе являет собой комбинацию несовместимых методов Ф. Бэкона и Р. Фладда²⁰. С. Уорд считает, что Д. Уэбстер, как и Т. Гоббс, ошибается, приписывая университетам слепое поклонение Аристотелю. На самом деле в их стенах приветствуются естественные науки и все новые формы знания, значительно продвинулась математика, изучаются химия и магнетизм, разрабатываются проекты по созданию лабораторий для химических, механических и оптических экспериментов. Не следует также недооценивать работу, ведущуюся в колледжах и тьюторских комнатах²¹.

Однако немедленная готовность С. Уорда защитить университеты от нападков со стороны таких оппонентов, как Д. Уэбстер,

свидетельствует о критическом моменте в истории Оксфорда и Кембриджа, чья монополия, если не само существование, оказалась под серьезной угрозой. Еще в 1604 г. выдвигался проект о создании нового университета в северных графствах, в 1642 г. он был возрожден — за честь быть местом его расположения конкурировали Манчестер и Йорк (последний даже направил в отношении этого петицию парламенту в 1652 г.) Время от времени поднимался вопрос и том, что в Лондоне должен быть собственный университет.

Отголоски движения за закрытие Оксфорда и Кембриджа, либо учреждение новых, конкурирующих с ними, образовательных заведений были слышны даже после периода Реставрации. Английский богослов Томас Спрэт (1635—1713), один из основателей лондонского Королевского общества, полагал, что деятельность последнего никоим образом не будет препятствовать работе школ и университетов и, более того, само Королевское общество обязано своим рождением труду университетских профессоров, спасших преподавательские должности от полного упадка²². Тем не менее, уже в июле 1669 г., другой член общества, Джон Эвелин (1620—1706) отразил в своем дневнике публичное выступление официального оратора Оксфорда Роберта Саута, посвященное тому ущербу, который Королевское общество могло причинить университетам²³. Все последующие проекты создания новых академий с большой тревогой рассматривались в Оксфорде и Кембридже. Однако сами члены старинных университетов вполне осознавали необходимость и неизбежность преобразований. Так, профессор математики Джон Уоллис, заявляя²⁴, что учреждение каких-либо новых академий совершенно не нужно, в то же время отмечал, что обучение анатомии, ботанике, чистой и прикладной математике, французскому, испанскому и итальянскому языкам, музыке, танцам, фехтованию, верховой езде и другим мужским упражнениям вполне приемлемо в Оксфорде.

Движение за реформу образования не могло остаться без внимания со стороны правящей верхушки. Члены Долгого парламента неоднократно обращались к этому вопросу. Так, они инициировали парламентскую субсидию на образование, определив сумму

в размере двадцати тысяч фунтов стерлингов, ежегодно выделяемую на стипендии для проповедников и школьных учителей. Две тысячи из этих денег предназначались для повышения заработной платы главам университетских колледжей²⁵. В годы Долгого парламента был создан специальный комитет по развитию образования. В 1657 г. О. Кромвель возобновил обсуждение проекта о создании северного университета и дал разрешение на основе его в Дареме, однако, этот проект не был реализован.

В историографии утвердилось мнение, что годы после Реставрации вплоть до конца правления Георга II являются в истории английских университетов периодом застоя, если не прогрессирующего упадка²⁶. Это утверждение покажется более чем справедливым, если опираться только на ту информацию, которую дают нам университетские уставы о сроках и порядке обучения, необходимых для получения ученой степени. В наши дни ученая степень предполагает определенный уровень интеллектуального развития, подтверждается сертификатом общепринятого образца, свидетельствующим о получении свободного образования и определенных профессиональных навыков. Но в XVIII в. главная функция ученой степени заключалась в том, чтобы упорядочить в научном сообществе положение выпускников, которые предполагали провести еще несколько лет в университете в ожидании пребенды. Интеллектуальные заслуги сами по себе не считались основанием для получения ученой степени и занятия определенного места в научном сообществе. К тому же, в присвоении ученой степени могли отказать или лишить ее на основаниях, которые сегодня показались бы неуместными и несправедливыми. Экзамены же для получения степени были формальными, а в XVIII в. зачастую превращались в фарс.

После завершения периода Реставрации стало очевидно, что средневековая система устарела настолько, что не было никакой возможности извлечь какую-либо пользу из ее существования. Для получения бакалаврской степени необходимы были участие в диспутах, частое посещение публичных лекций, экзамены и решение комиссии. Для прохождения двух последних испытаний, например, в Оксфорде было достаточно повторить несколько реплик

на сомнительной латыни, которые зачастую получались заранее или читались по шпаргалкам. В 1721 г. Николас Амхерст (1697—1742), английский поэт и политический обозреватель, опубликовал ряд сатирических произведений, содержащих много любопытной информации об университетской жизни. В его памфлетах «Мечь Стрепкона» и «Сатира на оксфордских сухарей» (1718) высмеиваются нравы, царившие в Оксфорде, содержатся колкие нападки на руководство университета и его профессоров. Если верить Н. Амхерсту, экзамены на получение ученой степени можно было наспех зазубрить за две недели²⁷.

И все-таки нельзя получить полного представления об университетском образовании того времени, основываясь лишь на определенных университетским уставом учебных курсах и испытаниях. В некоторых колледжах, добившихся права на самостоятельную выдачу академических степеней, система образования была далеко не бессодержательной формой. Так, в Сен-Джонз-колледже в Кембридже в конце XVII в. кандидат на получение бакалаврской степени экзаменовался двумя членами совета своего колледжа в течение трех дней по риторике, этике, физике и астрономии²⁸. В 1702 г. знаменитый филолог и богослов Ричард Бентли, возглавлявший тогда Тринити-колледж в Кембридже, ввел там письменные экзамены для получения стипендии и коллегиального членства. В Мертон-колледже в Оксфорде для получения членства требовалось сдать «полный экзамен, включающий двухдневную работу с произведениями из классической литературы»²⁹.

Знаменитый математик Джон Валлис (1616—1703) в 1700 г. утверждал, что система тьюторства в Оксфорде является эквивалентом континентальных семинаров и даже более продуктивной их формой³⁰. Составленные кембриджскими тьюторами руководства для учеников, пользовавшиеся большой популярностью в начале XVIII в., рекомендуют читать лучших английских писателей, а также книги по новой философии в дополнение к тем сочинениям, которые предписаны традиционным курсом классических, математических и философских дисциплин. В Кембридже в 1730 г. в ходу были «Очерк» Д. Локка и работы английских и иностранных философов. В Оксфорде в колледжах Харфорд

и Модлин в 1747 г. и 1749 г. соответственно были подготовлены профессиональные руководства для тьюторов на английском языке. Если тьютор серьезно относился к своему делу, а его ученик был восприимчив к знаниям, расширение круга изучаемых дисциплин было неизбежно. Существует много свидетельств того, что такие тьюторы, преподававшие широкий круг предметов, действительно были 1660—1760 гг. как в Оксфорде, так и в Кембридже³¹.

Ярким доказательством этого факта служит биография знаменитого английского филолога и критика Ричарда Бентли. Окончив Сент-Джонз-колледж в Кембридже и получив степень магистра, он стал тьютором сына декана Сент-Полз-колледжа, что позволило ему познакомиться с выдающимися людьми того времени и получить доступ к лучшей в Англии частной библиотеке. В 1689 г. ученик Р. Бентли поступил в Уодем-колледж в Оксфорде, и тьютор отправился вместе с ним. Там он работал в библиотеках разных колледжей, собирая обширный материал по греческой филологии. Его отличали легкость и уверенность при восстановлении сочинений древних авторов, исключительное владение материалом, что было совершенно нехарактерно для прежних исследователей. Уже тогда для маленького круга студентов Р. Бентли было очевидно, что он не вписывается в рамки обычного академического стандарта. В 1692 г. им были организованы первые лекции Бойля³², в ходе которых ученый стремился опровергнуть атеизм, ссылаясь не на авторитет писания, а на исследования в области гравитации, физиологии и психологии, при этом излагая ньютоновскую физику в популярной форме.

В 1700 г. Р. Бентли возглавил Тринити-колледж в Кембридже. Этот колледж, когда-то считавшийся самым блестящим и авторитетным в университете, к 1700 г. сильно сдал свои позиции. Он не был слабее других колледжей, но его расцвет во второй половине XVII в., связанный с именами таких выпускников, как Джон Пирсон, Исаак Барроу³³ и, конечно же, Исаак Ньютон, сделал упадок колледжа более заметным. Рядовых преподавателей Тринити не вдохновили их знаменитые предшественники, в отличие от которых они не испытывали любви к знанию и наукам. Здесь любой предлог использовался для организации банкета «за счет заведе-

ния», наложенный в соответствии с уставом обет безбрачия воспринимался совершенно спокойно как некий атрибут высокого общественного положения³⁴.

Р. Бентли, с его увлечением новыми науками, был встречен с неприязнью — он был человеком из Сент-Джонз-колледжа, ученым, интересы которого лежали вне стен Тринити. Сам же Р. Бентли открыто пренебрегал неприязненным отношением членов колледжа и продолжал свои преобразования в коллегиальном управлении. Он значительно улучшил состояние зданий, но самое главное, использовал свое положение для того, чтобы пробудить интерес к развитию знания как в Тринити, так и во всем Кембриджском университете. В 1704 г. он пригласил в колледж одного из своих друзей, Роджера Коутса, первого профессора астрономии и экспериментальной философии, и устроил для него обсерваторию. Этот факт знаменует собой становление в Кембридже ньютоновской школы математики. Р. Бентли также устроил лабораторию для Вигани, профессора химии, а в 1724 г. способствовал созданию первой кафедры ботаники и поддержал проект создания истории новых географических открытий³⁵.

Но к сожалению, наряду с неумной энергией Р. Бентли обладал властным характером и крайним высокомерием, презирал чувства и даже права других, и полагал, что любые средства хороши для достижения поставленной цели. Деятельность нового ректора продолжительное время была по карману членов Тринити (однажды вся сумма годовых дивидендов была израсходована на восстановление часовни при колледже), что, наконец, вынудило их пойти на решительные действия. После десяти лет упрямой, но бесплодной борьбы внутри колледжа они обратились за помощью к епископу. Их ходатайство содержало множество общих жалоб, но ни одного указания на конкретный проступок. Р. Бентли ответил публикацией своего сочинения «Современное состояние Тринити-колледжа» (1710), написанного в самом резком тоне³⁶. Члены колледжа дополнили свое ходатайство, предъявив Р. Бентли обвинение в нарушении пятидесяти четырех статей устава. Дело Р. Бентли слушалось в 1714 г., был вынесен приговор об отстранении его от должности главы колледжа, но епископ скончался до исполнения приговора,

который утратил свою силу. Однако вражда продолжалась в различных формах. В 1718 г. Р. Бентли был лишен руководством университета всех своих степеней и только в 1724 г., сумел их восстановить. В 1733 г. он был снова призван к суду и приговорен к отставке, но исполнитель приговора находился в дружеских отношениях с Р. Бентли, и последнему удалось сохранить свою должность. Вражда Р. Бентли с членами Тринити-колледжа продолжалась около тридцати лет³⁷.

Р. Бентли, признанный основателем исторической филологии, являет собой яркий пример университетского преподавателя, чей научный интерес и рвение к знанию превзошли границы традиционных дисциплин. Р. Бентли стал источником вдохновения для последующих поколений ученых.

Стремления расширить традиционный круг научных дисциплин были характерны не только для ученых и университетских преподавателей, но и для студентов, некоторые из которых самостоятельно с тьюторами изучали современные языки для того чтобы читать книги «о всякого рода учениях, публикуемых ежедневно на этом языке»³⁸.

Реформаторская мысль второй половины XVII в. оказала значительное воздействие на судьбу английских университетов. Несмотря на свою инертность, замкнутость, корпоративизм и приверженность традициям они сохраняли чувство ответственности за положение науки и развитие знания. Старый учебный план еще какое-то время сохранялся, отчасти по той причине, что новые науки еще не достигли необходимой стадии систематизации, чтобы их можно было преподавать как учебные дисциплины.

Уже в 1683 г. Оксфорд счел необходимым открыть особый «центр исследований» Ашмоула «для развития различных отраслей полезного и любопытного учения», после чего химические исследования регулярно проводились членами университета³⁹. Примерно в то же время было учреждено философское общество, в состав которого входили наиболее талантливые старшекурсники, его члены вели переписку с лондонским Королевским обществом и философским обществом в Дублине⁴⁰. К концу XVII в. ньютоновская математика начала овладевать кембриджскими шко-

лами — не путем включения в уставы соответствующих статутот, а просто как результат признания научного прогресса.

На протяжении первой половины XVIII в. в Кембридже были созданы кафедры химии, астрономии и экспериментальной философии, анатомии, ботаники, арабского языка, геологии, астрономии и геометрии, в Оксфорде — кафедры поэзии, англосаксонского языка и анатомии. В 1724 г. Георг I учредил в обоих университетах кафедры истории.

Оксфорд и Кембридж сохранили свою характерную особенность — остались коллегияльными университетами, где не было факультета права, но сохранялись все институты для обучения будущих клириков. Однако это не дает оснований утверждать, что эти старейшие английские университеты не испытали на себе общеевропейской тенденции секуляризации академических дисциплин в духе Просвещения, культивировали исключительно богословское знание и поэтому перестали представлять интерес в научном плане⁴¹. Детальное изучение истории Оксфорда и Кембриджа показывает, что, представляя собой особый тип университета, отличающийся от французского и германского, они, тем не менее, являлись не более чем вариантом общеевропейской модели и развитие их шло совершенно в русле общей истории европейских университетов.

¹ См.: Университет // Энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.brocgaus.ru/text/102/247.htm>.

² Фрэнсис Бэкон (1561—1626) разработал оригинальное учение о познавательных способностях человека и орудиях познания, с помощью которого предлагал провести радикальную реформу наук и сделать науку «истинной и плодоносной». Ян Амос Коменский (1592—1671), чешский педагог-гуманист, считался «отцом современного образования», в 1641 г. Долгий парламент пригласил его в Англию для организации протестантских школ. См.: История философии. Ростов н/Д, 2002. С. 137—138.

³ Энтони Вуд (1632—1696) — английский историк Древнего мира, автор биографий оксфордских знаменитостей, Эдуард Гиббон (1737—1794) — знаменитый английский историк, Ричард Бентли (1662—1742) — английский теолог, филолог и критик.

⁴ Clark A. The Life and Times of Anthony Wood, Antiquary of Oxford (1632—1695). Vol. 2. Hardcover, 1892. P. 139.

⁵ См.: The Cambridge History of English and American Literature. Vol. 9. Ch. 15 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.bartleby.com/cambridge/>

⁶ См.: Ibid.

⁷ Clarke J. An Essay upon the Education of Youth in Grammar Schools. Vol. 1. L., 1730. P. 300.

⁸ Савойская конференция 1661 г. — крупный богословский диспут, состоявшийся после воцарения на престоле Карла II с целью ввести единообразие в рамках англиканской церкви. В нем приняли участие двенадцать англиканских епископов и двенадцать представителей от пуританской и пресвитерианской фракций. Один из представителей пресвитерианской фракции Ричард Бакстер отразил ход конференции в своем сочинении «Наследие Бакстера». См.: *Baxter R. Reliquiae Baxterianae, or Mr. Richard Baxter's Narrative of the Most Memorable Passages of His Life and Times*. L., 1696.

⁹ См.: The Cambridge History...

¹⁰ Milton J. Of Education. To Master Samuel Hartlib. Cambr., 1895. P. 35.

¹¹ Лондонские юридические корпорации (the Inner Temple, the Middle Temple, Lincoln's Inn, Gray's Inn) — профессиональные ассоциации, к одной из которых должен был принадлежать каждый английский адвокат и те судьи, которые были прежде адвокатами; Лондонский колледж врачей — первое медицинское учреждение в Англии, получившее королевскую хартию, основан в 1518 г., в 1674 г. получил приставку «королевский».

¹² См.: *Novae Solymae Libri Sex*. Londini, 1648.

¹³ См.: *Nova Solyma. The Ideal City, or Jerusalem Regained*. L., 1902.

¹⁴ См.: *Harrington J. The Commonwealth of Oceana*. L., 1887.

¹⁵ Гоббс Т. Бегемот, или Долгий парламент // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М., 1991. С. 620—621.

¹⁶ См.: The Cambridge History ...

¹⁷ См.: Hill C. The World Turned Upside Down: Radical Ideas during the English Revolution. Harmondsworth, 1975. P. 184—185, 303.

¹⁸ Webster J. *Academiarum Examen, or the Examination of Academies*. L., 1653. P. 67—192.

¹⁹ См.: Ward S., Wilkins J. *Vindiciae Academiarum* // Debus A. G. Science and Education in the 17th Century: The Webster-Ward Debate. L., 1970.

²⁰ Роберт Фладд (1574—1637) — английский врач, писатель, философ-мистик, известный своим оккультистским отношением к науке.

²¹ См.: Arikha N. Deafness, Ideas and the Language of Thought in the Late 1600s // *British Journal for the History of Philosophy*. 2005. Vol. 13, nr. 2. P. 237.

²² См.: Sprat T. The History of the Royal Society of London, for the Improving of Natural Knowledge. L., 1667. P. 13—15.

²³ См.: Darley G. John Evelyn: Living for Ingenuity. New Haven; L., 2006. P. 135—139.

²⁴ См.: The Cambridge History...

²⁵ См.: Ibid.

²⁶ См.: Ibid.

²⁷ См.: *Amhurst N. Terrae Filius, or the Secret History of the University of Oxford. L., 1726. P. 104—108.*

²⁸ См.: *Wordsworth C. Scholae academicae, Some Account of Studies at the English Universities in the 18th Century. N. Y., 1969. P. 23.*

²⁹ *Brodrick G. C. Memorials of Merton College with Biographical Notices of the Warden and Fellows. Oxf., 1885. P. 130.*

³⁰ См.: *Ibid. P. 443.*

³¹ См.: *The Cambridge History...*

³² Лекции Бойля были названы в честь Роберта Бойля (1627—1691), знаменитого ирландского химика, физика и изобретателя, который предложил проводить диспуты, где выдающиеся академики могли обсудить вопрос существования Бога. Самая первая такая лекция была проведена в 1692 г. Ричардом Бентли.

³³ Исаак Барроу (1630—1677) — английский математик, физик и богослов, известный многочисленными научными трудами; Джон Пирсон (1612—1686) — английский ученый, богослов, общественный деятель, член лондонского Королевского общества.

³⁴ См.: *Principe L. The Aspiring Adept: Robert Boyle and His Alchemical Quest, Including Boyle's «Lost» Dialogue on the Transmutation of Metals. Princeton, 1998. P. 45.*

³⁵ См.: *Monk J. H. The Life of Richard Bentley. Vol. 2. L., 1833. P. 65—69.*

³⁶ См.: *Bentley R. The Present State of Trinity College in Cambridge in a Letter from Dr. Bentley to John Lord Bishop of Ely. L., 1710.*

³⁷ См.: *Monk J. H. Op. cit. P. 95.*

³⁸ *The Cambridge History...*

³⁹ Элиас Ашмоул (1617—1692) — знаменитый английский ученый, политический деятель, астролог и алхимик.

⁴⁰ См.: *Clark A. The Life and Times of Anthony Wood... Vol. 3. P. 75—78.*

⁴¹ См.: *Hammerstein N. Epilogue: The Enlightenment // A History of the University in Europe. Vol. 2. Cambr., 1996. P. 627.*

О. Ю. Политицкий

Радикальная идеология раннего квакерства в период английской революции, 1640—1653 гг.

Английская революция явила собой переломный момент в европейской истории. В течение четырнадцати лет Англия успела пережить огромные потрясения политического, экономического, религиозного, морально-этического характера. Обострение социально-экономических противоречий, кризис королевской власти